

Издание Комитета памяти В. М. Бонч-Бруевич (Величкиной).

Москва, Земляной вал, Гороховская ул., д. 18.

В. М. Бонч-Бруевич (Величкина).

ДРУГ ДЕТЕЙ.

РАССКАЗ

О ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМ ШВЕЙЦАРСКОМ УЧИТЕЛЕ

Генрихе Песталоцци.

с 4 РИСУНКАМИ.

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ.

Цена 4 руб.

МУЗЕЙ-ВЫСТАВКА

по

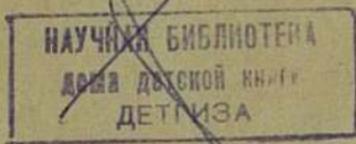
Народному Просвещению.

МОСКВА — 1919.

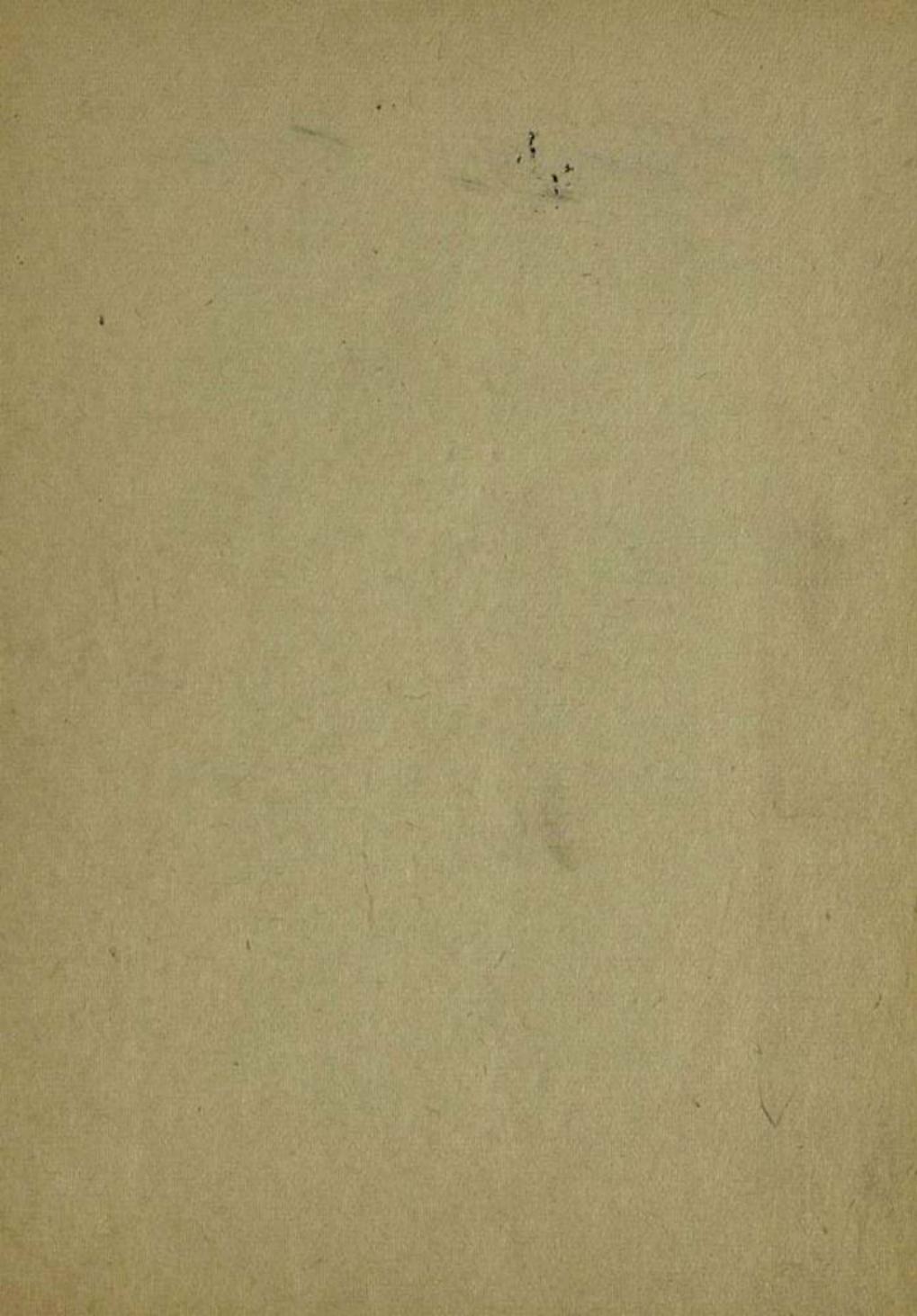
371 · В
Б - 817

[59c]

40-165

ЧЧ

В

Издание Комитета памяти В. М. Бонч-Бруевич (Величкиной).

Москва, Земляной вал, Гороховская ул., д. 18.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛИОТЕКА. Кн. 15-я.

371

Б817

В 216

В. М. БОНЧ-БРУЕВИЧ (Величкина).

ДРУГ ДЕТЕЙ.

РАССКАЗ

О ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМ ШВЕЙЦАРСКОМ УЧИТЕЛЕ

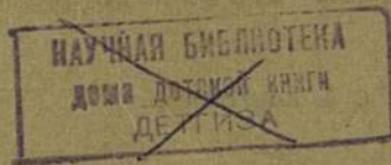
Генрихе Песталоцци.

с 4 рисунками.

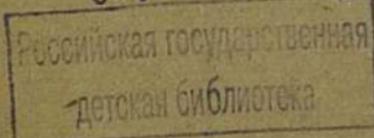
ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ.

МУЗЕЙ ВЫСТАВКА
Народному Пресвящению.

МОСКВА—1919.

662377 КХ-ред.

17-я Государственная типография (бывш. Кушнерев).
Москва — 1919.

Генрих Песталоцци.

2 января 1896 года по всей маленькой горной стране Швейцарии был большой детский праздник. Не было деревни, где бы не чувствовалось праздничного настроения; не было домика, где бы дети, одетые в свои лучшие платья, не торопились бы на праздник. Все дети знали, что в этот день празднуется 150 лет со дня рождения Генриха Песталоцци, который заслужил себе всемирную славу и благодарность потомства не войнами, не богатством и властью, а только горячей любовью к детям и нуждающимся. Посмотрим же, как жил и что делал этот знаменитый человек.

Родился Генрих Песталоцци в Цюрихе. В настоящее время Цюрих очень богатый и красивый город. Он лежит в прелестной равнине на берегу прекрасного Цюрихского озера, в том месте, где из него вытекает большая полноводная река Лиммат (рис. 1).

Весь город затонул в зелени садов; почти нет дома, где бы не было сада; даже на самой главной торговой улице—сады.

Через широкую реку Лиммат перекинуто множество мостов, которые соединяют две главные части города.

По правому берегу Лиммата расположена старая часть города, в которой находятся все главные городские здания; здесь помещается городская ратуша (дума), гимназии, театр, старинные библиотеки, а выше по горе, в предместьи города,— университет и городская клиника, где лежат больные и где студенты учатся, как их лечить.

За городом раскинулись волнующиеся хлебные поля и зеленые луга с мелькающими там и сям деревьями. Равнина постепенно переходит в невысокие холмы, засаженные виноградниками и фруктовыми деревьями. За ними темнеют покрытые густым лесом склоны гор, над которыми возвышаются серые разорванные скалы. А вдали, на краю неба белеют ледники и серебряные вершины снежных гор. И со всех этих гор и холмов жизнь точно стекается, как к центру, в цветущий город Цюрих.

Таков Цюрих в настоящее время, но 150 лет тому назад этот город был совсем не тот, каким мы его видим теперь.

В том месте, где река Лиммат вытекает из озера, теснились тогда узенькие улицы города. Высокие стены с башнями, крепостные рвы и валы окружали его. Из волн реки мрачно подымалось здание с толстыми железными решетками. Это была тюрьма. Каждый вечер ворота города запирались, так что никто не мог войти в него после известного часа. Ни о каком освещении улиц в темные ночи не было и речи, а там, где теперь на горе раскинулись обширные предместья города со своими роскошными садами и дачами, рос густой и темный лес, да кое-где мелькали отдельные кучки домов.

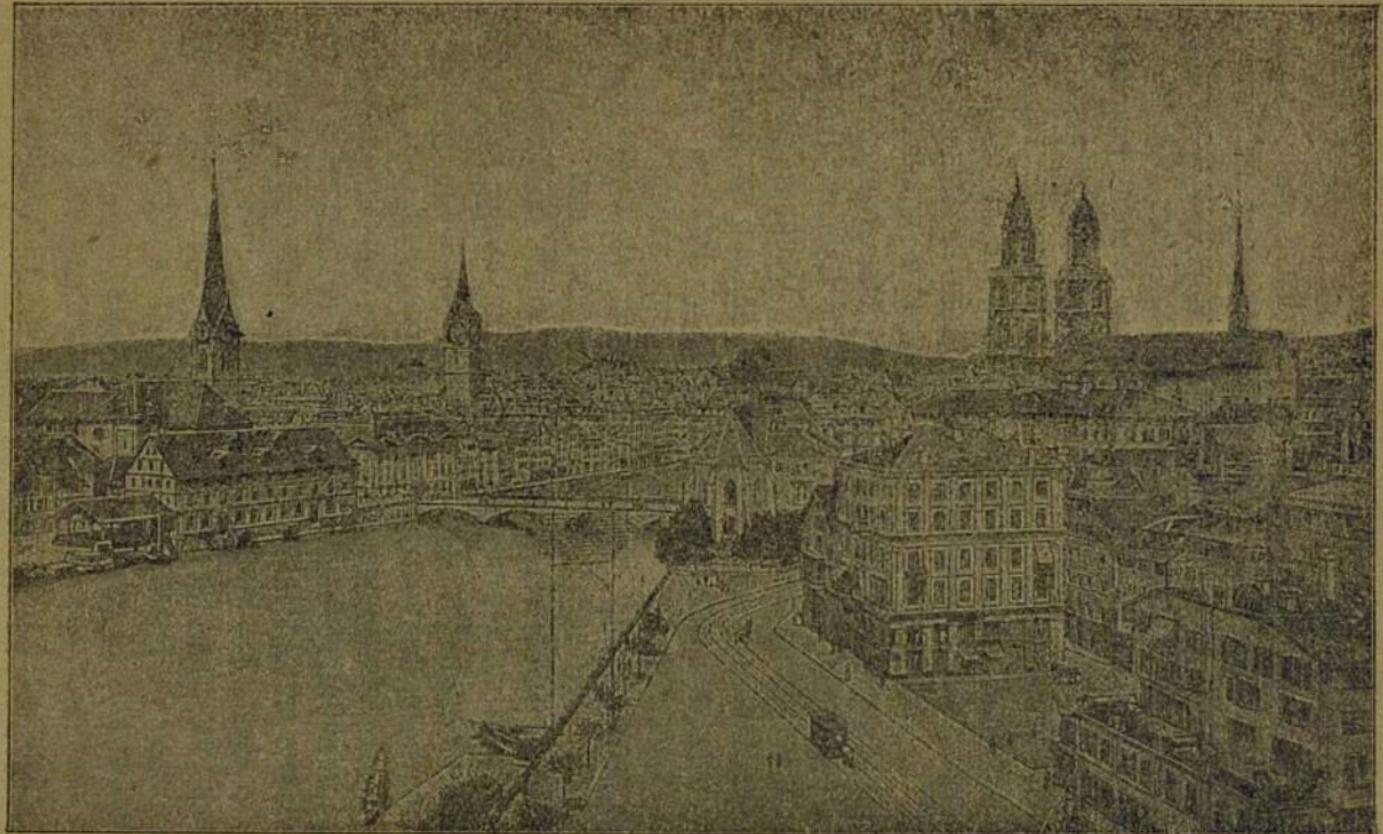

Рис. 1 Город Цюрих.

Семья Песталоцци была одна из самых уважаемых в городе, но средств у нее было очень мало. И при жизни отца семейства жили они не богато. Когда же он умер, оставив жену с тремя малолетними детьми, нужда окончательно вошла в их дом. Одовев, мать его поселилась на краю города, сократила до крайности расходы семьи и положила все свои силы, чтобы дать своим малюткам-детям хорошее воспитание. Но бедная молодая женщина была родом не из Цюриха, и у неё никого не было близких в городе, кто бы поддержал и помог бы со всей семьей, если бы у неё не было единственного доброго друга в лице служанки Бабели. Это была простая, деревенская девушка. Поняв её доброту и преданность, отец Песталоцци сказал ей, умирая: „Бабели, не оставляй моей жены. Если я умру, она пропадет без тебя, и дети мои попадут в чужие руки. Одной ей не справиться со всем хозяйством и с детьми“. И Бабели отвечала ему: „Будьте покойны, я не покину вашей жены после вашей смерти. Я до конца дней моих останусь при ней, если буду ей нужна“. Это обещание успокоило умирающего, и он закрыл глаза с облегченным сердцем.

Честная девушка сдержала свое обещание. Песталоцци впоследствии с глубокой благодарностью вспоминал о ней. Положение осиротевшей семьи требовало самой строгой бережливости, и заботливая девушка по три, по четыре раза бегала с корзинкой на базар через весь город, чтобы купить на несколько копеек дешевле. И никто никогда не слыхал от нее ни слова о том, сколько труда ей стоит вести хозяйство; никому никогда не жаловалась она

на усталость. При всех домашних работах Бабели не забывала и воспитания детей. Она передавала им все, что знала сама, и обращала внимание на каждую травку, на каждого зверька.

Песталоцци рос слабым, болезненным ребенком. Он мало мог принимать участия в играх своих товарищей на улице и больше сидел в комнате, слушая рассказы своей матери и Бабели.

Наконец, наступило время отдавать маленького Генриха в школу. В школе учили только читать да писать, а мысли способного, вдумчивого мальчика уносились в далекие страны, о которых рассказывала ему мать. Когда он подрос, занятия в школе пошли лучше.

Маленький Генрих рос очень рассеянным и крайне неловким мальчиком. Во всех играх он всегда отставал от товарищей. И товарищи нередко подшучивали над ним, хотя все его очень любили за его доброе сердце. Он не понимал обид и легко забывал всякое, случившееся с ним несчастье. Зато неловкий, нерасторопный мальчик всегда умел забывать себя для других.

Раз в городе случилось небольшое землетрясение. Учитель и все ученики выбежали из школы на улицу, и никто не решался войти в дом и взять книги и тетради. Тогда Песталоцци спокойно поднялся по лестнице и принес каждому, что ему было нужно.

Особенно отличался Песталоцци с детства своим состраданием к беднякам. Бедный мальчик всегда сам сильно страдал, когда видел, что тому или другому товарищу запрещали посещать школу, потому что ему некем было заплатить. Если он встречал

ребенка, просиящего милостыню, он отдавал ему все, что у него было, как бы он сам ни был голоден.

На каникулы он ездил к своему деду, деревенскому священнику. Крестьяне очень любили старика священника. Он входил во все их нужды и заботы, ежедневно посещал кого-нибудь из них и помогал везде делом и добрым советом. Особенно много заботился он о школе. И маленький Песталоцци, всегда сопровождавший деда и в крестьянские хаты и в школу, хорошо мог познакомиться с бытом крестьян, с их горем и нуждой, научился любить их и всем сердцем хотел по примеру своего деда помогать им. Особенно горько было доброму мальчику за бедных детей.

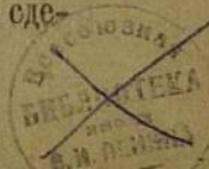
Нынешние дети в Швейцарии не могут и представить себе, какие школы в деревнях были 150 лет тому назад. Теперь все дети в Швейцарии могут бесплатно учиться в первоначальной школе. Их школы прекрасно устроены; они помещаются в отдельных, хорошо для этого приспособленных домах; у детей всегда есть под руками множество хороших учебных пособий. Дети выучиваются в такой школе не только читать, писать да считать, но учатся также и другим наукам и, мало-по-малу, научаются понимать, что делается вокруг них. Понимание же всего окружающего дает им возможность разумно смотреть на весь мир.

Совсем не то было обучение во времена детства Песталоцци. Тогда для школы большей частью и комнаты-то отдельной не было, а учение велось в хате учителя, и семья его тут же занималась своим хозяйством, а где были отдельные школы, то это

были темные, тесные и сырые каморки, где висел густой, тяжелый пар и дети сидели все время, не раздеваясь, в душном воздухе.

В такие-то школы попадали дети нередко с четырех-пятилетнего возраста, которых посылали матери, чтобы они не мешали дома. Задремлет ребенок в школе от усталости, его разбудит палка учителя или толчки товарищей. Да и чему могли дети научиться в школе, когда и учителя-то сами были малограмотны да и пособий почти никаких в школе не было. Пробудет мальчик года два-три в школе, не выучится еще как следует читать и писать, а его уже берут оттуда, чтобы поместить 7-8-летнего ребенка в ремесленное заведение, или на фабрику, которых много было в Швейцарии. И Песталоцци видел, как веселые, здоровые дети превращались в бледных, заморенных и больных от фабричной работы. И в душе мальчика складывалось твердое намерение помочь всем этим несчастным детям, спасти их от непосильной работы в детские годы и сделать из них добрых и честных людей.

Наконец, маленький, хилый мальчик превратился во взрослого юношу. Из некрасивого, даже почти безобразного лица смотрели такие добрые, светлые глаза, которые заставляли забывать об его невзрачной наружности. Он поступил в духовную академию, чтобы сделаться, по примеру деда, деревенским священником и работать для крестьян. Но окончить академию ему не удалось. Пылкий юноша указал на некоторые злоупотребления; и за это ему сделали строгий выговор. Тогда он вышел из академии. После того, он принялся изучать право, чтобы сде-

ляться судьей, но и этого ему не удалось осуществить. Песталоцци участвовал в одном кружке молодежи. Они много читали вместе, много думали. Особенно привлекал их быт древних греков, описанный в книгах. Им нравилась простота их нравов, их честность и справедливость. Молодые люди называли друг друга греческими именами и мечтали о том времени, когда на свете наступит всеобщий мир, счастье и простой образ жизни, когда не будет ни войн, ни насилий, ни страданий, ни сумасбродной роскоши. Особенно нравился им мирный труд землемельца, довольствующегося тем, что ему дает земля.

В то время в Швейцарии было по другому, чем теперь. Страна управлялась тогда богатыми и знатными людьми; равенства всех граждан, как теперь, в Швейцарии еще совсем не было. Народ не принимал никакого участия в управлении. Но вот одна община вспомнила о том, что прежде она управлялась своими выборными, и захотела сделать это также и теперь. Тогда правительство отправило туда войска, усмирило ее и заставило заплатить большой штраф. Крестьяне тоже не были еще тогда полноправными гражданами, — такими были только чиновники, писцы, офицеры, священники и богатые люди. Торговля была преимуществом города. Крестьянин не мог продать своему соседу ни овцы, ни овощей, ни даже молока. Все это он должен был везти в город, а иначе с него брали большой штраф. Никто не смел даже выбелить или окрасить дома, куска холста, вытканного им самим. Тысячи рабочего народа должны были служить знатным гражданам. Им позволялось наниматься в солдаты к иноzemным госуда-

рям, но каждому, кто будет искать работы в чужом кантоне, грозило суворое наказание. Громадные налоги тяготели на крестьянах, и во всей стране господствовала страшная нужда. Толпы нищих бродили повсюду, и правительство в начале каждого месяца устраивало на них настоящую охоту.

С глубокой скорбью смотрел Песталоцци на народное горе и на нищету, среди которой выросло множество детей. Говорить открыто против всех этих бедствий или писать о них правительство строго запрещало. Но кружок молодежи, в котором был Песталоцци, все-таки напечатал о несправедливых поступках одного важного чиновника и распространил повсюду эти листки. Вместе с тем они указывали также и на многие другие злоупотребления. Хотя все это и было справедливо, но молодые люди получили строгий выговор, потому что правительство не хотело, чтобы обсуждали его дела.

В то же время в Женеве народ не принял нового городского положения, которое ему прислало союзное правительство. Правительство хотело послать туда войска. Тогда один молодой человек написал листок, где в виде разговора двух крестьян между собой говорил о несправедливости такого поступка. Листок этот быстро распространился. В городе произошло небольшое волнение. Власти хотели схватить смелого юношу, но он убежал за границу. Песталоцци заподозрили, что он помог ему бежать, и арестовали его. А злополучный листок его был публично сожжен на дворе городской ратуши. Песталоцци и его друзья должны были заплатить штраф. Кроме того, их предупредили, что они потеряют

право гражданства, если еще что-нибудь будут говорить о злоупотреблениях властей. После этого Песталоцци не мог расчитывать получить какую-нибудь общественную должность, тем более, что своим смелым разговором он особенно восстановил против себя городские власти. Что же оставалось ему теперь делать?

Давно уже привлекала Песталоцци сельская жизнь. Мирный крестьянский труд казался ему самым достойным трудом человека. В то же время он заболел от усиленных занятий, и врач посоветывал ему пожить в деревне. Песталоцци послушался и поселился среди крестьян, помогал им работать и вместе с тем изучал сельское хозяйство. Потом он поехал к знаменитому в то время сельскому хозяину Чиффели, у которого учились вести хозяйство и крестьяне и знатные люди. Десять месяцев прожил он у него, работая с утра до поздней ночи всякую работу. Вместе с тем, он тесно сошелся с Чиффели, и ученик с учителем сильно полюбили друг друга. С этих пор мирная жизнь поселенца в простой хижине сделалась его мечтой. Он и сам хотел быть счастливым и сделать счастливыми всех окружающих.

Песталоцци задумал заняться разведением крапа. Это растение употребляется для крашения тканей в красную краску.

С помощью банка Песталоцци удалось купить недалеко от города Бругга, в Биррефельде, небольшой клочок земли. Биррефельд была крайне бедная местность, земля там была очень дешева. Песталоцци поселился в соседней с своим имением деревне, откуда и начал строить в нем себе домик. Усадьбу свою он назвал Нейгофом, то есть новым двором.

Около этого времени Песталоцци женился. Жена его была умная, даровитая женщина. Она происхо-

Рис. 2. Генрих Песталоцци.

дила из богатой цюрихской семьи, и родители ее были против ее брака с бедным, незнатным Песта-

лоцци. Но когда девушка решительно об'явила, что любит выбранного ею жениха, то родители отпустили ее, не дав, впрочем, ей никакого приданого. Прощаясь, мать сказала ей: „Ты должна теперь довольствоваться только хлебом и водою“. Впрочем, скоро родители молодой девушки помирились с ее браком.

Полный самых смелых планов и с глубокой верой принялся Песталоцци за новое дело. Много труда положил он, но скоро оказалось, что земля была мало плодородна и совершенно не годилась для разведения крапа. Ожидаемый урожай не удался, и банк отказался помогать молодому хозяину. После этого Песталоцци попробовал заняться скотоводством и начал сеять на своей земле кормовые травы. Но и здесь дела его пошли не лучше. Не удалось ему также затеянное им предприятие с хлопчатобумажной фабрикой, так как он ровно ничего не понимал в этом деле.

Нужда и заботы все прибавлялись, долги увеличивались, и заемодавцы настоятельно требовали их уплаты. Преданная жена Песталоцци отдала все, что у нее было, но долги все не уменьшались. С глубокой скорбью видел Песталоцци, что все планы его разрушились, как сон. Он надеялся устроить в этой усадьбе покойный уголок для своих близких, а теперь об этом больше нечего было и думать. Но вот среди забот о куске хлеба в душу его заходит новый великий замысел. В нем проявилось вселюбящее сердце Песталоцци, но он же принес ему и много горя.

Тогда по всей Швейцарии бродили толпы голодных, нищих детей. Песталоцци сильно жалел их.

Мысль об их горькой судьбе все время томила его душу. Он часто говорил с ними и узнавал, как они жили, что думали и чувствовали. Часто спрашивал он сам себя: „Разве не вложена даже в самого заброшенного ребенка такая же живая и чувствующая душа? Не лежит ли в каждом из них зародыш хороших сил? Стоит только помочь им развиться, и из несчастных, нищих детей выйдут честные, полезные люди“. Он рассказывал жене все, что думал, и стал обсуждать вместе с ней, как бы спасти этих детей от праздного попрошайничества и научить их полезным работам. Они придумали, что можно дать им какую-нибудь работу и на те деньги, которое выручится за нее, кормить и воспитывать их. И в конце концов они решили принять несколько детей к себе в дом и стать им отцом и матерью.

„Страдания несчастных детей,— писал после Песталоцци,— вызывали во мне всегда глубокую жалость. У меня лично не было ни богатства, ни ума, ни знаний; я мог дать им только самого себя“.

И себя Песталоцци, действительно, отдал беднякам всего, без остатка. Бодро принялся он теперь за задуманное им дело. Он пристроил к своему домику мастерскую для работ и комнату для спальни детей; потом начал собирать по улицам и деревням всех нищих, заброшенных детей. Ласково принимала их его верная подруга, и через несколько времени в Нейгофе собралось до двадцати детей. Соседи не могли понять, зачем все это делает Песталоцци, и только удивлялись, как он при всем своем разорении может еще кому-нибудь помогать. Песталоцци же все свое время и все свои силы на-

чал отдавать собранным детям. Глядя по погоде и по времени года, он работал вместе с ними то в саду и в поле, то в мастерской, выделывая бумажные материи. Одни пряли, другие ткали, третьи помогали в красильне. Песталоцци надеялся, что каждый ребенок заработает таким родом себе на хлеб. Но в этом он, конечно, сильно ошибся. Дети были еще слишком малы, чтобы много заработать; их приходилось еще всему учить, при чем они много портили материала. Те же, которые выучивались хорошо работать, часто уходили от него, чтобы поступить на настоящую фабрику за жалованье. Песталоцци пришлось обратиться за помощью к добрым людям. Друзья его собирали по всем городам деньги, и ежегодно присыпали ему несколько сот рублей. Песталоцци делал все, что мог; работал он и день и ночь.

Трогательно было смотреть, как он заботился о каждом отдельном ребенке, присматривался, к чему он более способен. Несчастные дети нашли в нем самого любящего отца. Всем, что только у него было, делился он с ними, и часто довольствовался одним куском хлеба, чтобы дать им на обед что-нибудь получше. Большая часть детей его сильно полюбила. Но были, разумеется, и такие, которые уходили от него, чтобы опять начать свою бродячую жизнь. Но, несмотря на все труды и огорчения, Песталоцци не терял мужества. Через три года у него уже было тридцать семь детей; для них уже требовалось несколько служащих: ткачи, пряхи и служанки, чтобы вести такое большое хозяйство. Все это стоило много денег. Песталоцци принялся

тогда торговать шерстью и платками, и даже сам ходил на базар, чтобы побольше продать их. Но, несмотря на все усилия, средств не хватало, и через четыре года ему пришлось уменьшить свое заведение. Одно его утешало: за эти годы заброшенные, хилье дети подросли и сделались крепкими, цветущими юношами и девушками, способными к работе. Это было лучшей наградой ему за все труды и лишения.

Песталоцци все надеялся, что ему удастся продержать свое заведение, но с году на год это становилось все труднее и труднее. Со своей мягкой, кроткой душой, он плохо умел вести торговое дело. Пять лет геройски боролся он с нуждой и лишениями, и, наконец, ему пришлось распустить свое заведение.

Наступили горькие, тяжелые дни. В доме ничего уже больше не было; жена заложила решительно все, что имела. А он сам лежал опасно больной, потому что горе и неудачи, наконец, сломили его. Даже многие друзья его в это трудное время потеряли в него веру и отвернулись. Больная голова его была полна мрачных, безутешных мыслей о том, что он не мог помочь несчастным беднякам. Как больно было ему тогда, когда говорили, что вся его затея ни к чему, что бедным никогда нельзя помочь, что так уж на свете все устроено, чтобы всегда были бедные.

Об одном думал он все это время, это о том, чтобы не умереть раньше, чем он что-нибудь сделает для страждущего человечества. Узнав сам нищету, он научился больше понимать страдания бедняков. В душе его, незаметно для него самого, уже зреали благородные мысли о том, как бы спасти хотя детей от голода, нищеты и разорения.

Российская государственная
библиотека

Детская библиотека

662 374

ПАУЧИЯ БИБЛИОТЕКА

ДОМЪ АРХИТКТРЪ ИМПЕРАТОРЪ ДЕГИЗА

ПОДАРОК
Народному просвещению.

Встав с постели, Песталоцци все еще не мог прийти в себя после разгрома всех своих планов. Подавленный горем, бродил он кругом, никого не узнавая, и только тогда немного успокоился, когда приехали его родственники, чтобы привести в порядок дела. Часть земли была продана, другая часть отдана в аренду, по большую часть пришлось просто забросить. В доме теперь нередко не хватало даже куска хлеба. Все смеялись над мечтателем, как с этого времени звали Песталоцци, а друзья серьезно боялись, что он кончит сумасшествием.

Мало-по-малу в душе Песталоцци стало светлее, в нем снова затеплилась вера в свое дело и надежда на успех. По совету одного из своих друзей, он стал записывать все, что думал. Из этих записей вышла целая книжечка названная им: „Вечерние часы отшельника“. В этой книжке было столько хороших, умных мыслей, что все опять вспомнили о нем. Это сильно ободрило его. В душе его оять воскресла горячая любовь к людям. Если он не может непосредственно сейчас помочь людям, рассуждал он, то он передаст им все, что у него на душе, покажет им, как в зеркале, всю неправду их жизни и скажет, как нужно жить по правде.

Песталоцци задумал написать книгу. Он даже стал ходить в трактир, чтобы видеть и слышать, как думают и разговаривают между собою его посетители. Там сидел он где-нибудь за печкой или за занавеской и прислушивался к их толкам. Потом принял он писать. Денег у него не было на покупку бумаги, так что он писал на старых счетах. Слова, полные любви и глубокой мысли, так и

лились из-под его пера, и через несколько недель книга была готова. Она называлась „Лингард и Гертруда, книга для народа“. Содержание ее очень простое.

В деревне Бональ живет простой каменщик Лингард с женой своей Гертрудой. У них семеро детей. Лингард— добный и честный человек, но очень слабохарактерный. Он затягивается понемногу азартной игрой в кабаке, который содержал деревенский старшина. Вместе с тем, Лингард привыкает и пить.

Старшина деревенский, Гуммель,— злой жадный человек. Он всевозможно преследует крестьян, которые не ходят к нему в кабак. Кто же попал в его когти, тому уже не выпутаться. Это чувствует на себе также и Лингард. Он уже много должен жадному кабатчику, который берет с него огромные проценты. Если Лингард решит не ходить больше в кабак, Гуммель грозит взыскать с него долг. Несчастный каменщик идет, опять напивается, долги его все растут, а дома голодают жена и дети.

Наконец, Лингард признался жене в своей беде. Гертруда— честная, работающая женщина, она крепко любит мужа и детей. Ни слова не говоря мужу, она собирается с духом и отправляется на следующий день в господский дом, где поселился недавно поступивший окружной начальник. Молодой Арнер добр и справедлив. Он выслушивает жалобу несчастной женщины. Глубоко тронутый ее доверием, Арнер искренно возмущается недостойным поведением старшины. Он дарит Гертруде тридцать рублей, чтобы расплатиться со старшиной, а Лингарду дает работу при постройке церкви. Старшину же Арнер требует к ответу и предоставляет ему выбрать, хочет

ли он оставаться старшиной, или держать кабак. Гуммель в бешенстве. Он хочет отомстить Арнеру и подстерегает его ночью в лесу с кирпичем в руке. Но вдруг он встречает тайного охотника за дачью, голова которого была покрыта козьим мехом, а в руках зажженный фонарь. Суеверный Гуммель в ужасе: он думает, что его хочет схватить чорт. Дрожа от страха, бежит он из леса, призывая на помощь. Прибежав в деревню, он идет к священнику и каётся ему во всех своих преступлениях. Добрый Арнер улаживает все дела и вся деревня довольна, что освободилась от злого старшины.

Самое важное и интересное в этой книге, это— картины домашнего мира и любви в семейной жизни Лингарда и Гертруды. Песталоцци показал в своем рассказе, что такая хорошая мать, как Гертруда, делает домашний очаг местом тихого счастья и истинных радостей, что любовь ее всех согревает и всюду вносит мир и покой. Дети, которые вырастут в такой семье и на руках такой матери, сделаются добрыми, хорошими людьми и честными работниками и будут всегда с любовью относиться ко всем окружающим. Все, что бы она ни делала, проникнуто любовью к детям, и ее любовь вызывает с их стороны тоже любовь и полное доверие к ней.

Книгу эту любопытно читать также детям. Они найдут в ней описание детской жизни, их игры, занятия, написанные с такой добротою, какой был полон Песталоцци к детям. Кроме того, весь рассказ дышит самым горячим состраданием к бедным и гонимым, самой нежной заботой о них.

Книга, написанная Песталоцци со всем жаром его

дунни, дошла до сердца людей. Все читали ее, старые и малые, знатные и бедняки. В самой отдаленной хижине бедняка можно было встретить хотя отрывок из нее в каком-нибудь календаре. Проповедники прочитывали с каюдры места из нее. Книгу эту стали считать как бы руководством для личной семейной жизни и старались у себя дома подражать Гертруде в обращении с детьми. Бедный, всеми осмеянный Песталоцци сразу стал знаменитым человеком. Экономическое общество в Берне послало ему денежную награду и золотую медаль с надписью: „Лучшему гражданину“. Благодаря доходу от книги Песталоцци выился из страшной нужды. Теперь в его забытую всеми усадьбу стекались отовсюду знаменитые люди, чтобы только повидать его и поговорить с ним. Владельцы окрестных поместий, прежде только смеявшиеся над Песталоцци, стали усиленно приглашать его к себе в гости. Все начали смотреть на него другими глазами.

После этой книги Песталоцци написал еще несколько других, в которых он старался полнее и подробнее обяснить то, о чем он говорил в истории Лингарда и Гертруды. Потом он написал продолжение этой истории. Как в первой книге он показал, какая должна быть семейная жизнь, так в следующих он писал об общине, о школе, о церкви и о государстве. Везде он указывал недостатки и говорил, как можно устроить жизнь лучше и справедливее. Все, что он писал, охотно читали, но многое было еще непонятно людям того времени.

Песталоцци, однако, не терял бодрости. Среди своих книг он не забывал бедняков, не забывал он

также и своего давнишнего желания помочь им. Песталоцци думал, что если хорошо воспитать всех детей, сделать их добрыми, честными людьми и хорошими работниками, то много лучше будет на свете. Не будет тогда ни нужды такой, ни стольких страданий. Каждый сумеет работать и будет стараться помогать другим. Все будут за одного и один за всех.

Но теперь уже Песталоцци хотел поставить дело воспитания прочнее, чем раньше, чтобы оно не рухнуло опять через несколько лет. Для исполнения задуманного обращался он к правителям и государям и к своим согражданам, много писал об этом, но никто не понимал его. Все его замыслы разбивались. Уже восемнадцать лет прошло с тех пор, как он написал Лингарда и Гертруду, а он все также был далек от исполнения своего заветного желания, как и до этого.

Но вот в Швейцарии случились события, которые имели важные последствия как для самого Песталоцци, так вообще и для школьного дела.

В самом конце прошлого столетия в Швейцарии переменилось правительство. Старый Швейцарский союз превратился в республику, в которой не было ни крепостных, ни подчиненных; все были равны. Но один маленький городок Нидвальден воспротивился этим переменам и твердо решил защищать старые порядки. Мужчины, женщины, дети, старики—все взялись за оружие и удивили своею храбростью весь мир. Но о победе, разумеется, нечего было и думать, потому что их была только маленькая горсточка. Восстание было подавлено и залито кровью. Цветущий городок представлял теперь только груды развалин. Множество мужчин и женщин

осталось на поле битвы. До 300 семейств осталось без крова, несколько сот детей осиротело. Несчастные сироты повсюду вызывали сострадание. Многих из них взяли к себе на воспитание окрестные жители.

Как только Песталоцци узнал об этом ужасном происшествии, какой-то голос тотчас же заговорил в его душе: иди туда, будь отцом несчастным сиротам, их воспитателем, учителем. Он забыл свою нужду, свое горе, бросил все книги и думал только об одном — собрать бедных детей и спасти их от гибели и нищеты. Швейцарское правительство хорошо уже знало любовь Песталоцци к детям. В городе Станце оно устроило для осиротевших мальчиков сиротский дом и поручило его заботам Песталоцци. Для этого отвели одно из монастырских зданий, которое накоротко подготовили для помещения сирот. Сначала можно было поместить только 50 человек, а потом их прибавилось до восьмидесяти. Но какой ужасный вид имели несчастные дети! Бледные, исхудальные, оборванные, больные и полуголодные, они даже боялись людей.

Песталоцци стал для них самым пежным, самым внимательным отцом. Он утешал их, кормил и одевал сам. Без устали работал он с утра до позднего вечера. Все время был он среди детей, делил с ними всю их жизнь, их слезы и их радости. У него не было ничего своего, — ни хозяйства, ни друзей, ни слуг, у него были только эти несчастные дети (рис. 3). Вечером он последним шел на покой, утром вставал всегда первый. Спал он вместе с ними, обедал с ними, учил их и разговаривал с ними, пока дети не засыпали. Если кто-нибудь из них заболевал, то

он не отходил от постели больно го, и никакой труд не казался тогда ему тяжелым.

И дети мало-по-малу переставали бояться его; они делались все более и более доверчивыми и, наконец, сплошь полюбили доброго старика. Какой радостью было это для Песталоцци! Он приучил их к работе и обучал их читать и писать. Уроки старался он сделать для них как можно любопытнее. Он показывал им разные растения, животных и рассказывал о них. Часто занимался так он с ними во время школьных часов, и уроки стали любимым занятием детей. Больше же всего заботился Песталоцци, чтобы сделать их хорошими и честными людьми. Он их учил любить друг друга, и часто говорил о том, что если человек больше знает и понимает, то ему легче помогать другим. А если бы все люди охотно помогали друг другу, то всем бы легче жилось на свете. И бедные дети, своим горьким опытом узнавшие нужду и нищету, охотно слушали его тихие, ласковые речи.

Вскоре Песталоцци узнал, что сгорело местечко Альтдорф. Множество детей осталось без крова и хлеба. Тогда он рассказал об этом несчастии своим сиротам и спросил их, не принять ли сколько-нибудь из этих детей к себе в дом?

Все живо закричали:

— Да, да!

— Но ведь тогда вы должны будете поделиться с ними и обедом и платьем,—заметил Песталоцци. Но дети только повторяли:

— Прими, прими их!

И новые сироты были приняты.

Рис. 3. Песталоцци с бедными детьми.

Но скоро неожиданное несчастье разразилось над сиротским домом. В стране опять загорелась война, и дом понадобился для военного постоя. С тяжелым горем Песталоцци должен был снова распустить своих детей, дав каждому на дорогу теплую одежду и немного денег. Даже чиновник, который очищал дом для войска, жалел его и писал правительству: „Добрый Песталоцци и здесь оставил незабвенный памятник своего дела“. Сам же Песталоцци вспоминал о своем пребывании в Станце, как о лучших днях своей жизни.

После разгрома в Станце Песталоцци остался, как моряк после кораблекрушения. Утомленный непосильным трудом и сломанный горем, он тяжело заболел. Сердце разрывалось смотреть, как он ломал себе руки, и горячие слезы катились по его щекам.

„Зачем я не могу умереть теперь, когда все дело мое разбито?“ — повторял он сам себе.

Мало-по-малу жизнь взяла свое. Песталоцци успокоился, отдохнул.

Теперь уже он задумал сделаться школьным учителем. Это было его давнейшей мечтой. Министр народного просвещения в Швейцарии был тогда очень хороший, умный человек. Он понимал, что школы были очень плохи, и что их нужно переделать. В сельских школах не было ни хороших учителей, ни настоящих учебных пособий; а сама школа представляла собой маленький, плохенький домик, из всех углов которого дуло. Бывало и так, что совсем не было дома для школы, и школа странствовала из дома в дом, по очереди. Тошить часто было нечем, если дети сами не принесут по полену. И в такой сырой, холодной комнате теснились дети; самые ма-

ленькие забивались куда-нибудь в угол. Каждый делал, что хотел: один читал, а другой смотрел картинки, третий складывал азбуку. Учитель не обращал на них почти никакого внимания, и только следил, чтобы дети читали вслух, а что они читали, он и не слушал. Учителей в школу ставили тех, кто возьмет дешевле. Вот в каком виде была старая школа до Песталоцци.

Песталоцци задумал поставить школу на новый путь и сделался для этого школьным учителем в Бургдорфе. Там он стал заниматься с детьми по новому способу, а главное—заставил детей полюбить школу. Он ласково обращался с ними, много рассказывал им, и дети охотно бежали в школу слушать своего учителя. И когда, через восемь месяцев, власти общины сделали в школе экзамен, все дети отлично обо всем отвечали.

Туда приезжали учиться у Песталоцци многие учителя и его способ занятий все более и более распространялся по Швейцарии. Песталоцци видел, что ему удалось, наконец, обратить внимание своих сограждан на воспитание детей и на школу. Это сильно утешало его,—он чувствовал, что дело его не умрет с его смертью.

Рядом со школой устроилось заведение для образования учителей, и молодые люди приезжали учиться к Песталоцци не только со всей Швейцарии, но и из других стран. И всем им умел он передать свою любовь к делу и горячее стремление ко всему хорошему. Так, понемногу, благодаря трудам и заботам Песталоцци, складывалась такая народная школа, какую мы видим теперь в Швейцарии. Так понемногу по-

ложено было начало той любви к детям и заботам об их воспитании, которыми дышит теперь швейцарская народная школа.

Неустанно работая над воспитанием детей, Песталоцци старался сделать все возможное, чтобы шире и лучше поставить это дело. Когда Швейцария отправила посольство к императору Наполеону, поехал вместе с ними и старый Песталоцци, чтобы с его помощью устроить что-нибудь хорошее для дела воспитания детей. Император французов полновластно распоряжался тогда в Швейцарии, но ему не было никакого дела до народного просвещения, и он ответил Песталоцци, что ему некогда рассуждать об азбуке. Вместе с тем, при его заведении в Бургдорфе были уже сочтены. Для нового окружного начальника, вступившего в должность, не оказалось подходящего дома для жилья. И Песталоцци должен был вновь распустить своих учеников. А институт находился в это время как раз в полном своем расцвете. Число воспитанников было больше сотни; кроме их, содержалось до сорока бедных детей. Знатные посетители все больше и больше стекались к знаменитому учителю, чтобы посмотреть, как он ведет дело. Оставшись без своего любимого занятия, Песталоцци попытался было опять устроить в своей усадьбе заведение для бедных детей, но это ему не удалось. Наконец, неподалеку оттуда бернское правительство дало ему на один год дом, где он и устроил своих сирот.

Как только разнеслась весть о том, что Песталоцци должен оставить Бургдорф, многие города кантона Ваадт пригласили его к себе. Этот кантон давно уже думал исправить свои школы. Песталоцци

согласился и выбрал город Ивердон. Там для его заведения отвели очень большой дом. Городские власти торжественно встретили Песталоцци, и скоро он с двумя помощниками-учителями открыл новый институт. Все желания старика теперь исполнились: он мог работать в своем институте, как хотел, потому что в средствах уже не было недостатка. Кроме того, всеблизкие ему люди были около него: его верная подруга—жена, его невестка и два его лучших ученика, с помощью которых мог он начать свое дело.

Первое время пребывания его в Ивердоне было светлым временем его жизни.

„Мое положение теперь таково, лучше которого я никогда не мог себе желать“, — писал он своим друзьям.

Но, несмотря на все это, он чувствовал, что жизнь его не полна. У него не было того, к чему больше всего тяжало его сердце—приюта для бедных детей.

Институт быстро достиг небывалого блеска. Учеников было больше полутораста. Кроме того, из разных стран собралось до сорока молодых людей, чтобы поучиться у Песталоцци, как лучше обучать детей. Слава Песталоцци распространилась повсюду. Философы звали его „лекарством человечества“. Всякий, кто вглядывался в жизнь института, живо чувствовал в нем дыхание новой жизни. Воспитанники учились не только читать, писать да считать, как в других школах, но также и географии, истории и естественным наукам. Каждое слово читали они с полным пониманием того, что читают. Все они сами наблюдали, исследовали, рисовали. Вместо наказаний, которые до сих пор употреблялись в школах, любовные

отношения между учителями и учениками придавали
бодрости и охоты учиться.

Сам старик Песталоцци много работал. Нередко
в три часа утра он был уже за делом. Он написал
целых шестнадцать томов сочинений. Но при всех
его трудах у него всегда находилось время, чтобы
поговорить утром с теми или другими учениками. И
добрые, сердечные слова его глубоко западали в
молодые души.

В это славное время его деятельности Песталоцци
постигли семейные несчастья: в Нейгофе умер его
единственный сын, а в Ивердоне умерла его жена,
которая была верной помощницей ему во всех его
делах. Много она пережила и перестрадала вместе с
ним, и никто не понимал его лучше ее. Точно все
счастье отлетело от него с ее смертью. Утомленный
дневными трудами, каждый вечер приходил он на ее
могилу и проводил там целые часы, погруженный в
свои невеселые думы. Когда затихал шум и погасали
огни в институте, он горько рыдал о ней, как ребенок.

Бедный старик сильно нуждался в утешении. Уже
восьмой десяток пошел Песталоцци. Его старческим
силам трудно стало справляться с таким заведением.
Кроме института, около него образовалась школа
для девочек, собственная типография и книжная тор-
говля. Сильно огорчали Песталоцци возникавшие
ссоры и споры между его учениками и помощниками.
В это время он издал полное собрание своих сочи-
нений, и все полученные от этого деньги пожертвова-
вал на народное образование. Часть их пошла на
устройство заведения для бедных детей.

Наконец, достигнув восемидесятилетнего возраста,

утомленный, дряхлый Песталоцци простился с институтом, чтобы возвратиться в свою любимую усадьбу Нейгоф. Последние два года своей жизни провел он здесь, в семье своего внука. У него были уже правнуки, но он все еще продолжал работать и не мало написал за эти последние годы. Семья внука старалась сделать посветлее его старость, но особенно его утешали дети. Они составляли все счастье его жизни; он везде искал их, чтобы доставить им хотя маленькую радость. И везде, куда он только ни показывался, вокруг него собирались ребятишки. Все они любили доброго дедушку.

Раз Песталоцци посетил одно учебное заведение. Дети торжественно встретили его, и самый маленький мальчик подал ему венок. Песталоцци взял его и надел на голову ребенка.

— Не мне,— сказал он,— невинности надо отдать венок.

Потом дети запели песню, взятую из его книги „Лингард и Гертруда“. Растроганный Песталоцци хотел благодарить, но слезы заглушили его голос.

На восемьдесят первом году Песталоцци мирно скончался, простиив всем своим врагам. Похоронили его, согласно его желанию, в Бирре, около школы. Благодарные дети постоянно украшают могилу своего великого учителя душистыми цветами. Через сто лет после его рождения в Бирре ему поставили памятник.

Граждане города Ивердона также воздвигли памятник своему знаменитому соотечественнику (рис. 4).

В Цюрихе, на берегу Лиммата, в той же комнате, где родился Песталоцци, стоит его статуя в лавровом венке. В этой же комнате сохраняется и детская

колыбелька Песталоцци. Рядом с комнатой устроен школьный музей, где собрано все, что относится к школьному делу в Швейцарии. Туда часто приходят посетители, чтобы получить многие полезные сведения.

Но самый лучший памятник поставил Песталоцци себе сам делом своей многотрудной и полной любви к людям жизни. Он однажды сам так сказал о своем деле любви: „Мы сеем зерно, чтобы накормить бедняка-соседа, а из него вырастает целое дерево, ветви которого простираются по всей земле, и все народы без исключения призываются под тень его То, что я делал,— это не мое дело, это—дело Божие.. Моя была только любовь. Любовью старался я пополнить то, чего не знал, и верил там, где не мог видеть. Когда я смотрю на свое дело, то кажется, не было человека, неспособнее меня. Но я не терял мужества и работал. Все это сделала любовь; она имеет божественную силу, потому что она—истина и не боится креста“.

И полный любви, Песталоцци, действительно ничего не боялся, делая свое святое дело. „Все люди—братья, — говорил он, — на троне ли они или под тенью шалаша“.

Всем, всем хотел дать он счастье, у каждого ребенка хотел он развить силы, вложенные в него природой.

И действительно, не напрасно прожил Песталоцци свою долгую жизнь. Заветы его сохранились в Швейцарии, а оттуда распространились его учениками также и по всему миру. Швейцарский народ теперь много заботится о хорошем воспитании своих детей. Каждая деревня в Швейцарии в настоящее время имеет свою хорошую школу и образованных, знающих учителей. Все дети обучаются здесь бесплатно, и рядом с сыном первого богача сидит теперь самый последний бедняк в деревне.

Школу всегда сейчас же можно узнать, потому что это—самое большое и красивое здание в деревне. Ее содержит на свои средства сельская община. Если же деревня очень бедная, то ей помогает и правительство. Обучение в школе в Швейцарии обязательно для каждого ребенка. Все дети школьного возраста с семи лет должны ходить в школу лет до 14, до 15 и сдать экзамен для получения свидетельства. Всякий ребенок, впрочем, сам уже заранее знает это и любит свою школу.

Мальчики и девочки учатся вместе.

Весело смотреть на толпу ребятишек, играющих около школы во время отдыха. Любимое занятие мальчиков, это—гимнастика; девочки тоже бегают и играют в разные игры; старшие мальчики и девочки заботятся о маленьких. Вот упал какой-нибудь крошка и собирается заплакать, но старшие подбежали к нему, развеселили, и мальчуган уже забыл свое горе и побежал играть. Если учитель, за леность или непослушание, запретит какому-нибудь ученику являться в школу, то это для него самое большое наказание.

Школа всегда светлая, просторная, в ней много воздуха. В деревнях школа окружена нередко прекрасным садом, где дети много времени проводят на свежем воздухе, в цветнике или в огороде. В больших школах всегда есть просторная, теплая комната для гимнастики и игр, так что дети могут свободно бегать там и зимою и в плохую погоду.

Набегавшись, наигравшись, разгоревшиеся ребятишки охотно садятся за книжку. Неудивительно, что дети любят свою школу. Там не морят их скучным заучиванием наизусть. Все стены школы уве-

шены разными картинками, географическими картами, таблицами, так что дети по ним легко запоминают.

В классе, где дети только-что начинают учиться грамоте, вы увидите на стенах крупно написанные буквы, цифры, и малютки, шутя и играя, заучивают их.

Во всякой школе есть своя хорошая библиотека, всевозможные приборы, собрания засушенных растений, камней. Дети все это собрали и устроили сами под руководством своего учителя.

В теплые, весенние дни постоянно можно встретить толпы детей. У каждого висит сбоку жестяной ящичек, в который он положит все, что ему встретится любопытного по дороге. Но и теперь ящичек этот не пустой: мать положила ему в него на дорогу вкусный завтрак. Такие прогулки называются *экскурсиями*, и на другой день в школе дети весело разбирают, что они собрали, и распределяют, куда следует.

Так, наполовину играя, знакомятся они с окружающим их миром; городские дети во время таких прогулок хорошо познакомятся с сельским бытом своих сограждан. Для них уже не будет новинкой ни плуг, ни коса, и за все, если понадобится, они впоследствии сумеют взяться с ясным пониманием и знанием дела. А учитель по дороге рассказывает им обо всем, что происходит в природе: как растет трава, что ей для этого нужно, обратит их внимание на каждого маленького зверька и поговорит о нем, и дети начинают понимать и любить всю природу.

Разразится по дороге гроза и буря, детишки спешат укрыться от непогоды под первую, встретившуюся им кровлю, где их всегда ласково примут. Но они уже не боятся ни ярко-сверкающей молнии,

Рис. 4. Памятник Песталоцци в Ивердоне.

ни оглушительного грома,—они уже понимают, что такое гроза, отчего она произошла и какие могут быть от нее опасности; а понимая все это, они сумеют и охранить себя от них.

Первые три года в такой первоначальной школе дети учатся писать, читать, считать; во время же экскурсий, а часто также и в классе, учитель рассказывает им о том, что окружает их в природе и в жизни.

Следующие три года дети занимаются и другими науками. Так, они изучают всемирную историю, географию, естественные науки (изучение природы) и геометрию. Кроме того, они учатся чертить, рисовать, а девочки занимаются также всевозможными рукоделиями. Большой частью, девочек учат шить только самое необходимое для домашнего обихода, а также починять и штопать. Во время работы какаянибудь из учениц читает, или все они вместе поют.

На пение в начальной школе вообще обращают очень большое внимание.

Всякий школьник в Швейцарии умеет петь. Дети ежедневно поют в школе под руководством учителя, поют и на прогулках и на праздниках.

Когда мальчик окончит школу, он должен еще года два ходить на так называемые повторительные уроки. Впрочем, в такой повторительной школе занятия бывают только раза два-три в неделю.

На экзамены приглашаются каждый год родители и родственники учеников, а также и выборные власти общины, и день экзамена бывает обыкновенно целым праздником для деревни.

Швейцарцы очень любят свои школы, и вся деревня следит за успешным обучением детей. Если

дети учатся плохо, то община может сместить учителя. Община же следит и за хорошим содержанием школы, чтобы школа имела хорошее отопление и снабжает ее всем необходимым.

В швейцарских школах обращают большое внимание, чтобы детям было удобно сидеть за столами; для этого как столы, так и скамейки пригоняются по росту ребенка.

Прежде чем поступить в начальную школу, дети с четырехлетнего возраста ходят в «детский сад». В некоторых кантонах каждая община имеет детский сад. Здесь дети проводят целый день, здесь они играют в разные игры, рассматривают картинки, учатся петь, а кто постарше, учится даже и читать, играя в рассыпную азбуку, и рисовать.

Даже для самых крошечных и грудных детей есть отдельные заведения, чтобы и они не оставались без присора, когда мать уходит на работу. Такие заведения называются «ясли». Устраиваются они большей частью в фабричных местностях, где мать целый день на работе и не может сама присмотреть за своим ребенком. В продолжение целого дня он должен был оставаться без присора или на руках детей. Там, где устроены такие ясли, мать, уходя на работу, приносит туда ребенка, где он проводит весь день под присмотром опытной женщины. Вечером же, возвращаясь домой, мать берет его обратно с собою. В яслях ребенок может оставаться только до трех или четырехлетнего возраста.

Но не одними уроками и занятиями наполняется в Швейцарии жизнь школьных детей. Летом отправляются они со своими учителями на прогулки и

в более далекие путешествия, а несколько раз в году для них устраиваются целые школьные праздники.

Иностранцы обыкновенно с удивлением смотрят на толпы детей, и мальчиков и девочек, отправляющихся в горы в ясный воскресный день. Впереди несут флаги и знамена, которые дети сами подготовили к своему празднику. Все поют, смеются и весело болтают между собою. Это отправляется на прогулку школа.

Нередко приглашаются также родители и известные лица в городе. Но взрослые не стесняют детей; дети понимают, что ови на полной свободе и могут веселиться, как хотят. И ни одному ребенку не придет в голову какая-нибудь глупая шалость. Все товарищи сами остановят шалуна. Иногда дети едут по железной дороге на очень далекие расстояния, и во время таких школьных путешествий они хорошо знакомятся со всей своей родиной. Деньги на эти прогулки идут от школы, а если у нее не хватит, то стоит только сказать об этом общине, и родители тотчас же сложатся между собою, чтобы дать возможность погулять своим ребятишкам.

Школьный праздник в деревне или в маленьком городке, это—праздник для всего города, и нередко седые старики отправляются посмотреть, как веселятся их дети и внуки. Кто хотя раз видел такой детский праздник, у того навсегда останется о нем хорошее, светлое воспоминание. Я расскажу об одном школьном празднике, который ежегодно устраивается в городе Сан-Галлен.

Еще задолго до праздника в Сан-Галлене заметно оживление. Повсюду плетут гирлянды, готовят фла-

ти, триумфальные арки. Особенно веселы и хлопотливы дети, но не отстают от них и старики. Весь город принимает участие в приготовлениях к школьному празднику.

И вот к назначенному дню, на ближайшем к городу холме, на большой лужайке, в одном углу строят большую палатку для танцев. На другом конце расставляют длинные столы, куда придется разместить пообедать до двух тысяч детей и множество взрослых. Для больших мальчиков строят гимнастику, а для маленьких детей отделяют большое место для игр. Вся лужайка украшена арками и столбами, обвитыми гирляндами и флагами.

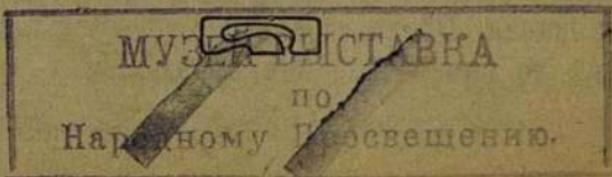
Старшие мальчики поднимаются с восходом солнца и будят весь город барабанным боем, звуки которого тысячью отголосков раздаются в окрестных горах. Потом по улицам города проходят ученики кантональной школы с музыкой. Но им не приходится долго сзывать детей: там и сям уже замелькали белые платьица. В 8 часов во всех школах уже собрались ученики и ученицы, откуда они со своими учителями и воспитателями направляются к большому зданию кантональной школы, чтобы там соединиться в одну большую процессию.

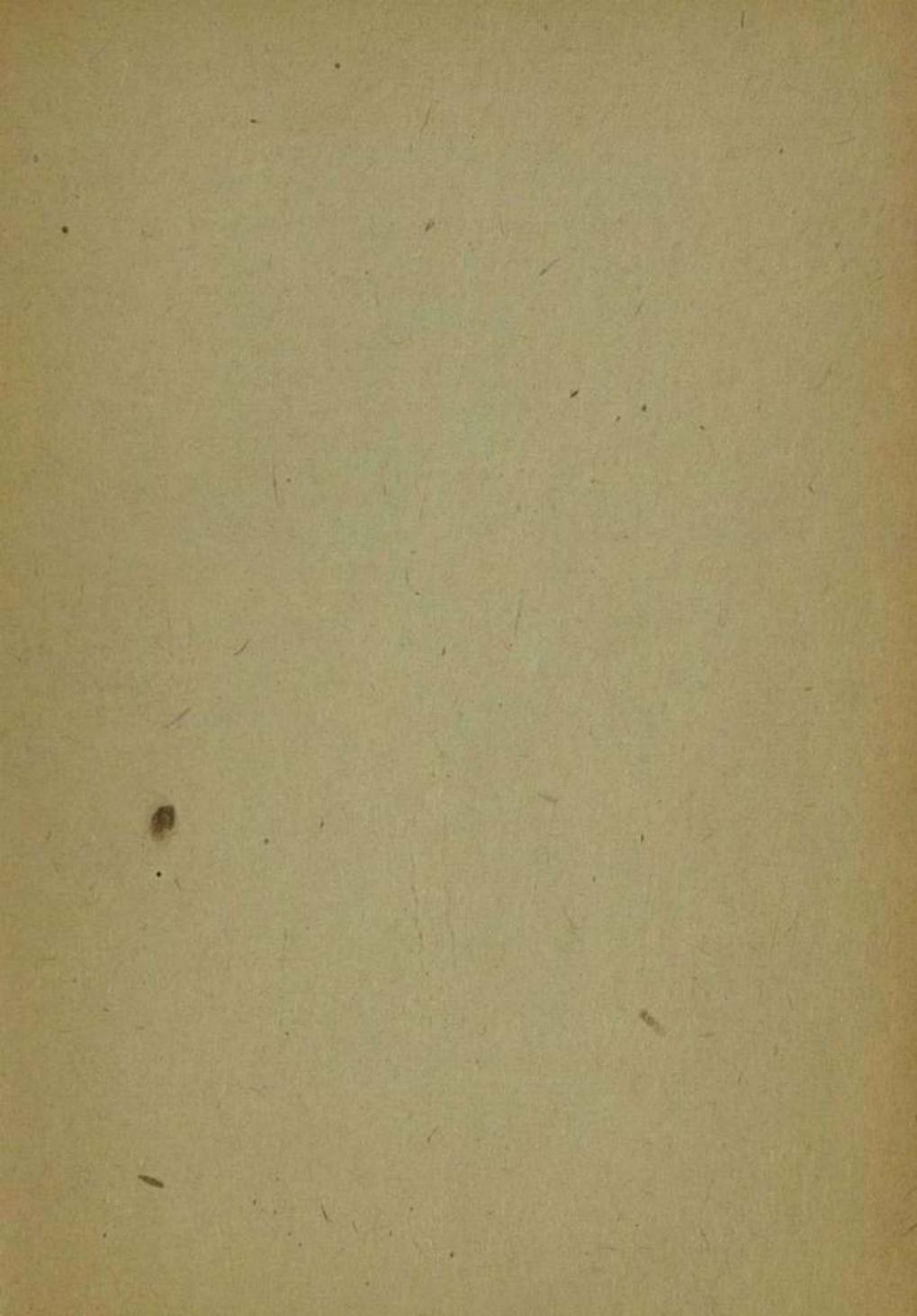
Но вот все дети расставлены, и процессия движется по всему городу. Впереди идут маленькие мальчики. За ним идут старшие ученики. Дальше идут девочки в нарядных белых платьях с гирляндами цветов и с венками в волосах, а сзади идут старшие воспитанники кантональной школы. В процессии принимают участие до 1.500 детей и всех их учителя. Проходят они по городу с пением и музыкой до самой площади праздника.

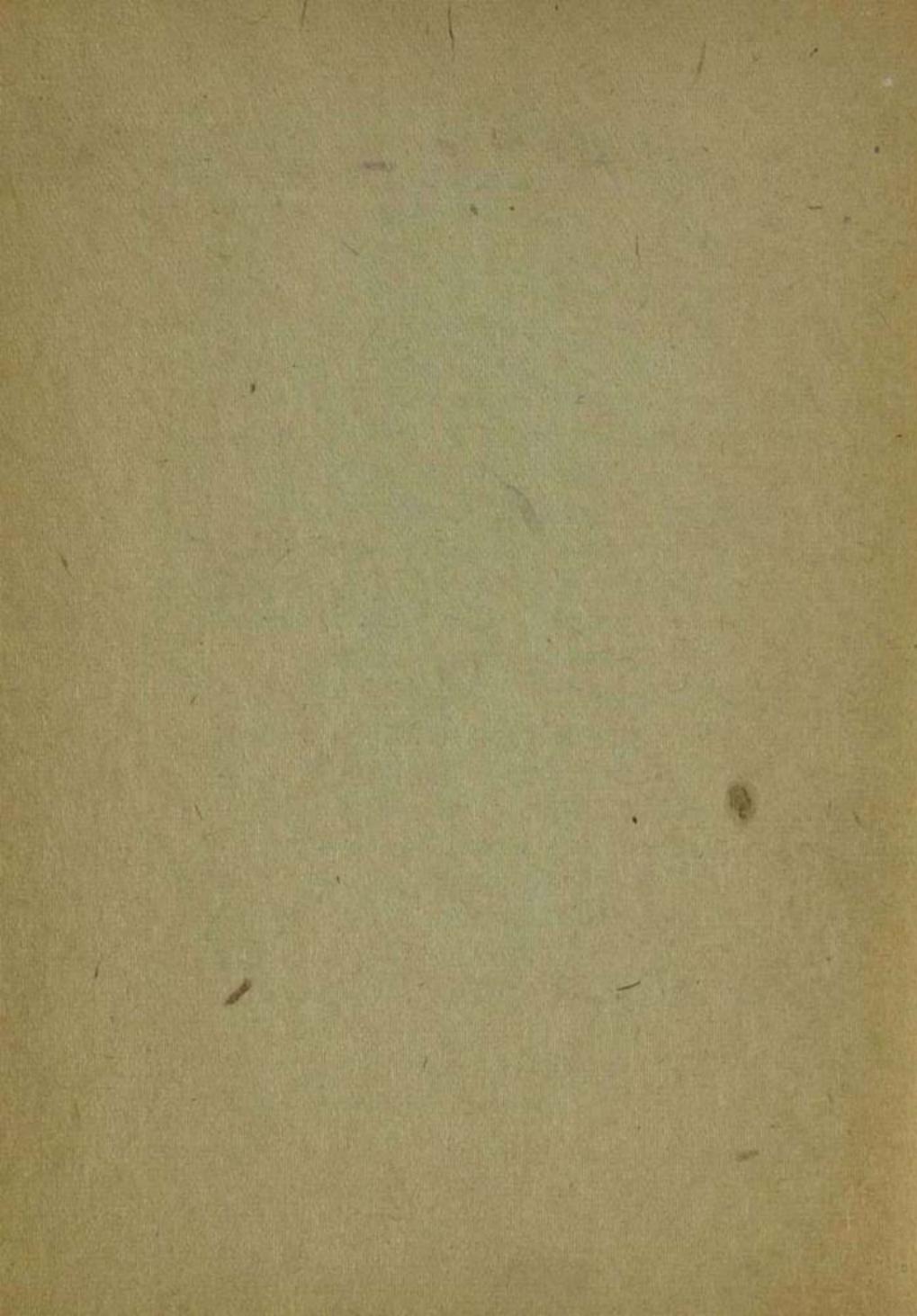
Праздник открывается детским пением нескольких народных песен. Потом дети свободно расходятся кучками, отдыхают и повсюду начинаются веселые игры, гимнастика, смех и болтовня. Так проходит время до обеда. Обед возвещают пушечным выстрелом, и проголодавшиеся ребятишки спешат усесться за длинные столы. После обеда один из старших учениковъ, поднимается на подмостки и говорит горячую речь своим сверстникам, в которой он благодарит родину и всех друзей молодежи за свое воспитание и призывает своих товарищъ на дружную совместную работу на благо человечеству. Потом опять начинаются разные детские забавы. Взрослые тоже принимают большое участие, помогают детям устраивать игры, улаживают разные споры и недоразумения. А старики сидят тут же, на скамейках, в стариных праздничных одеждах—в коротких, желтых, кожаных штанах и ярко-красных куртках с серебряными пуговицами, любуются на подрастающее поколение и вспоминают свое детство и юность.

Так, среди шумного веселья проходит целый день. Солнце спускается уже к закату. Маленькие ребятишки, уставшие от целого дня движения и шума, задремали уже на коленях у матерей. Наконец раздается колокольчик, возвещающий конец празднику, и разгоревшиеся от игр дети быстро устанавливаются в ряды, чтобы стройной процессией опять вернуться в город. И спускающаяся ночь кладет конец шумному празднику. Но воспоминание о нем долго еще живет в детских сердцах.

7559

200 =

50к
Издания Комитета памяти В. М. Бонч-Бруевич (Величкиной).

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАД:
МОСКВА, Земляной вал, Гороховская ул., д. 18.

- Книга 16. Д-р Р. Гайкович. Что такое чахотка и как уберечь себя и других от нее.
Книга 17. Ник. Андреев. Человек и нечистая сила. Культурно-исторический очерк. Изд. 2-е.
Книга 18. Влад. Бонч-Бруевич. Кровавый навет на христиан. Изд. 2-е.
Книга 19. Песни революции (с нотами). Цена 1 р. 50 к.
Книга 20. В. Д. Ляпунов. Мужицкая боль и др. стих.
Книга 21. В. М. Бонч-Бруевич (Величкина). Θ священных книгах. Цена 4 руб.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

- Книга 1. К. П. Ягодовский. В стране полуночного солнца. Воспоминания о Мурманской экспедиции. Изд. 2-е.
Книга 2. А. П. Пинкевич. Жигули. (Географический и геологический очерк Жигулей.)
Книга 3. С. П. Аржанов. Среди вод и болот. Очерки из жизни растений для самостоятельных и школьных экскурсий. Изд. 2-е.
Книга 4. Альфред Серчи. Среди австралийских дикарей. Перев. Анненковой.
Книга 5. И. С. Абрамов. Что говорят забытые могилы. Изд. 2-е.
Книга 6. Ар. Феличе. Сказки земли. (Легенды и сказки о природе.)
Книга 7. Герман Вагнер. В поле и на лугу. Рассказы о разных животных, растениях и камнях. Перев. с нем. В. М. Бонч-Бруевич (Величкиной). Изд. 3-е. Под ред. и с дополнениями С. П. Аржанова.
Книга 8. Герман Вагнер. Рассказы о разных замечательных растениях. Перев. с нем. В. М. Бонч-Бруевич (Величкиной). Изд. 4-е. Под ред. и с дополнениями С. П. Аржанова.

С заказами на книги, брошюры, таблицы и диаграммы просим обращаться по адресу: Москва, Гороховская, 18, Комитету памяти В. М. Бонч-Бруевич (Величкиной).

Книги высыпаются наложенным платежом.